

«Рыцаря нашего времени» (например, четвертая глава с подзаголовком: «которая написана только для пятой», или вторая: «Каков он родился»), состоящая из десяти шуточных фраз).

Первая часть «Рыцаря нашего времени», несущая на себе несомненные следы влияния Стерна, является своего рода лабораторией поисков нового стиля. Стерновская манера авторского контроля над действием, непрерывного иронического комментирования направлена прежде всего, говоря словами Карамзина, против «Аристотелевых и Горациевых» правил. Вместе с тем широко используемая ирония несравненно усложнила прежнюю сентиментальность Карамзина. Не желая, как он говорит, навлекать на себя обвинения в бедности своего воображения, автор показывает своему читателю различные образцы слога, и «быстро паря вверх и плавно опускаясь вниз» (ИС, с. 758).

Эстетика Карамзина была в принципе компромиссна. Использование иронии у Карамзина не снимало сентиментализма как такового, а лишь отрицало его крайности. Карамзин отказывается от излишеств сентиментализма, от манерности и искусственности с тем, чтобы сохранить главное для себя в сентиментализме — веру в спасительные свойства чувства, в возможность обрести гармонию в душе отдельного человека.

Был еще один очень важный (едва ли не важнейший) аспект расхождения Карамзина и Стерна. Карамзин решительно не принимал порождаемого в принципе чуждым ему скепсисом Стерна его крайнего субъективизма в творчестве, когда широко расплеснутые авторские эмоции и бесконечный непринужденный поток пестрых ассоциаций поглощали собою объективный мир с его сложнейшими коллизиями и диссонансами.

Творчество Карамзина было в большей мере связано с реальным объективным миром. На это уже обратил внимание В. В. Сиповский, сравнивая «Письма русского путешественника» и «Сентиментальное путешествие» Стерна. Говоря о том, что Стерн ревниво следит за своей чувствительной душой, охотно наслаждается игрой своего воображения, «доводившего его порой до галлюцинаций»,¹⁷ исследователь утверждает, что Карамзин никогда не отдавался чувству безраздельно, «в его душе жили интересы разума, ему нужен был внешний мир с его действительной, реальной жизнью».¹⁸

В дальнейшем эта связь с действительностью в творчестве Карамзина становилась глубже. Особенно это характерно для произведений конца 1790—начала 1800-х годов («Рыцарь нашего времени», «Марфа-посадница»).

Уже вторая часть «Рыцаря нашего времени» (1802) существенно отличается от первой (1799) именно усилением объективности повествования и, следовательно, отходом от Стерна. Карам-

¹⁷ Сиповский В. В. И. М. Карамзин... , с. 362.

¹⁸ Там же. с. 428.